

32. *Warwick A.* Cambridge Mathematics and Cavendish Physics: Cunningham, Campbell and Einstein's Theory of Relativity, 1905—1911; Part 1: The Uses of Theory // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1992. Vol. 23. P. 625—656.
33. *Levesque J.* The Art of Brewing and Fermenting in the Summer, and all Other Seasons, to the Greatest Advantage, and the Making of Malt, Exhibited in Essays, and Decimal Tables, Accurately Calculated, the Result of Upwards of Forty Years' Experience; also a Description of the Author's Newly-Invented Thermometer, By the Application of which Extreme Precision and Considerable Saving will be Effected. 2nd ed. London: Thomas Hurst, 1836.
34. *Wigney G. A.* Theoretical and Practical Treatise of Brewing. Brighton, 1835.
35. James Nasmyth, Engineer: An Autobiography / Ed. by S. Smiles. London, 1885.
36. *Berg M.* The Machinery Question and the Making of Political Economy 1815—1848. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
37. *Morus I.* Correlation and Control: William Robert Grove and the Construction of a New Philosophy of Scientific Reform // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1991. Vol. 22. P. 589—621.
38. *Smith W. H.* On the Tendency & Prospects of Mechanics Institutions // *The Analyst*. 1835. Vol. 2.
39. *Schleuning P.* Das 18. Jahrhundert: Der Bürger erhebt sich // *Geschichte der Musik in Deutschland*. 1969. B. 1. Reinbek bei Hamburg. P. 459—474.
40. *Schaffer S.* Self Evidence // *Critical Inquiry*. 1992 (Winter). P. 327—362.
41. *Sibum H. O.* Physik aus ihrer Geschichte verstehen: Entstehung und Entwicklung naturwissenschaftlicher Denk- und Arbeitsstile in der Elektrizitätsforschung des 18. Jahrhunderts. Wiesbaden: Deutscher Universität Verlag, 1990. P. 219—254.
42. *Forbes J. D.* Report upon the Recent Progress and State of Meteorology // *BAAS Report*. 1832. P. 196—258.
43. *Phillips J.* Description of a New Self-Registering Maximum Thermometer // *BAAS Report*. 1832. P. 574—575.
44. *Whewell W.* The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History. Vols. 1—2. London: John W. Parker, 1840.
45. *Wise M. N.* Work and Waste: Political Economy and Natural Philosophy in Nineteenth Century Britain (III) // *History of Science*. 1990. Vol. 28. P. 221—261.
46. *Forrester J.* Chemistry and the Conservation of Energy: The Work of James Prescott Joule // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1975. Vol. 6. P. 273—313.
47. *Browning W.* John Benjamin Dancer, F.R.A.S., 1812—1887 // *Memoirs and Proceedings of the Manchester Literary and Philosophical Society*. 1964/65. Vol. 107. P. 115—142.
48. *Milligan H.* New Light on J. B. Dancer // *Memoirs and Proceedings of the Manchester Literary and Philosophical Society*. Vol. 15. P. 80—88.
49. *Bracegirdle B., McCormick J. B.* The Microscopic Photographs of J. B. Dancer. Chicago: Science Heritage Limited, 1993.
50. *Schuster A.* On the Scale-Value of the late Dr. Joule's Thermometers // *Philosophical Magazine*. 1895. Vol. 39. P. 477—501.
51. Joule to Thomson, 25 May 1879. Add MSS 7342 J 291, Cambridge University Library.
52. *Rowland, H.* «European Trip Diary». Johns Hopkins University Library, MS. 6, series 4.
53. *Rubens H.* Apparat zur Bestimmung des mechanischen Waermeaquivalents // *Physikalische Zeitschrift*. 1906. Bd. 7. S. 272—276.
54. *Herschel J. F. W.* Explanation of the Principle and Construction of the Actinometer // *BAAS Report*. 1833. P. 379—381.
55. *Morus I. R.* Different Experimental Lives: Michael Faraday and William Surgeon // *History of Science*. 1992. Vol. 30. P. 1—28.
56. *Babbage C.* Smithsonian Institution Annual Report. 1856. P. 189—302.
57. *Hacking I.* The Taming of Chance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
58. *Ewart P.* On the Measure of Moving Force // *Memoirs and Proceedings of the Manchester Literary and Philosophical Society*. 1813. Vol. 2. P. 105—228.

А. В. ПОСТНИКОВ

**ЭКСПЕДИЦИЯ Л. А. ЗАГОСКИНА 1842–1844 гг., ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ
(к 150-летию публикации материалов)**

В первой половине XIX в. Российско-Американская компания (РАК) уделяла большое внимание исследованиям материковой Аляски. Практика промысловой деятельности Компании и отдельные рекогносцировочные походы подготовили к 40-м гг. XIX в. почву для широкомасштабной научной экспедиции. Русские уже были в общих чертах знакомы с географией и народами, живущими в бассейнах нижнего течения рек Квихпак (Юкон) и Кускокуим*, а племена, населявшие эти районы, в свою очередь, в процессе меновой торговли, по меньшей мере опосредованно, были осведомлены о российских промышленниках и уже не всегда рассматривали возникающие с ними контакты как зло, которого, насколько возможно, требовалось избегать.

Экспедиция Л. А. Загоскина занимает особое место в истории географического изучения и картографирования континентальной части владений Российско-Американской компании. Одновременно она в значительной степени подводит итог предшествовавшим походам служащих Компании по долинам основных рек Западной Аляски, результаты которых фактически не были опубликованы их участниками. Уже в это время пребывание русских в Америке стало приносить ощутимые научные плоды, что, в частности, было ярко продемонстрировано всему миру в книге Ф. П. Врангеля по географии и этнографии Русской Америки, изданной им на немецком языке через три года после возвращения из колоний [1] в качестве первого тома новой серии «*Beitrag zur Kenntniss des Russischen Reiches...*» («Вклад в знание о Российской Империи и прилегающих частях Азии»). В этом труде, который до сих пор, к сожалению, не переведен на русский язык, помимо обобщения данных многих из его предшественников и современников, барон Врангель привел богатые сведения, собранные им лично во время длительных инспекционных поездок по колониям. Вся эта информация была им глубоко осмыслена и проанализирована на базе сопоставления с материалами географических исследований в других приарктических районах земного шара, хорошо ему известных не только по литературе, но и по собственным исследованиям в Северном Ледовитом океане у берегов Сибири. Этот сравнительный анализ многое добавил к пониманию природных процессов и значительно способствовал дальнейшему становлению и развитию физической географии как науки. Книга имеет также общепризнанное значение как фундаментальный этнографический труд.

Первые четыре главы монографии представляют собой рассказ Ф. П. Врангеля о Русской Америке, базирующийся на статистических сведениях. Он детально описывает методы охоты на пушного зверя, обсужда-

* Названия географических объектов, племен и личные имена приведены в тексте во всех встречающихся в источниках вариантах.

ет проблему контактов между коренными обитателями Северной Америки и Сибири, рассматривает различные этнические группы туземцев Русской Америки, включая обитающих в районе Форта Росс. При описании последних барон Врангель, помимо собственных наблюдений, использует сведения, собранные комендантом Форта Росс Петром Степановичем Костромитиновым в 1830–1836 гг. Эти материалы послужили важным источником для последующих работ. Пятая глава, включенная издателем серии, известным естествоиспытателем, академиком Петербургской академии наук Карлом Эрнстом (в России именовавшимся Карлом Максимовичем) Бэрм (1792–1876), — это отрывок из дневника экспедиции Глазунова. Помимо этого, в книгу вошли статья И. Вениаминова об алеутах (глава 8) и словари туземных языков (глава 9). Сам К. Э. Бэр дал в этом труде свое собственное обобщение пионерных исследований американских ученых по языкам и отношениям коренных жителей Северной Америки (глава 10), а также фундаментальное и первое в своем роде эссе по климату Аляски (глава 11) [2].

В июне 1840 г. пост главного правителя Российских колоний в Америке был принят у И. А. Куприянова капитаном 2-го ранга А. К. Этолиным, который имел уже к тому времени солидный опыт работы в Русской Америке и великолепно ее знал. В лице нового главного правителя Российско-Американская компания получила такого же увлеченного исследователя природы и народов Аляски, каким был Ф. П. Врангель, а наиболее ярким исполнителем его планов стал лейтенант Лаврентий Алексеевич Загоскин (1808–1890).

Как и большинство штурманов Российско-Американской компании того времени, Л. А. Загоскин получил высшее военно-морское образование в Кронштадтском морском кадетском корпусе. Он, судя по всему, был близок к декабристам, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что, получив 8 декабря 1838 г. разрешение поступить на службу в Российско-Американскую компанию, по пути через Сибирь в колонии он привез в Иркутск письма для содержащихся там участников восстания 1825 года — М. Н. Волконского, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина и Ф. Б. Вольфа [3]. 6 октября 1839 г. капитан компанейского брига «Охотск» Лаврентий Загоскин прибыл в Ново-Архангельск. Последующие два года он провел в промыслово-коммерческих плаваниях у берегов Америки. В 1841 г. он ходил на корвете «Елена» в Форт Росс, где на обратном пути к нему на борт поднялся естествоиспытатель И. Г. Вознесенский. Капитан «Елены» и ассистент Академии наук подружились, и Вознесенский обучил Загоскина многим приемам естественно-научных наблюдений, а также сбору и консервации образцов флоры и фауны [4]. Весной 1842 г. А. К. Этолин предложил Загоскину совершить экспедицию внутрь Америки; инициатором путешествия, по-видимому, был сам Загоскин, изложивший план этого мероприятия в 1840 г. в своем письме в Санкт-Петербург Ф. П. Врангелю. Одной из задач экспедиции было достигнуть истоков Квихпака (Юкона) и Кусокуима и найти наиболее удобный маршрут перевала между бассейнами этих двух рек [5–8].

Редут Святого Михаила (или Михайловский)

Рисунок Фредерика Уимпера в книге: Whytper F. Travel and adventure in the territory of Alaska, formerly Russian America — now ceded to the United States — and in various other parts of the North Pacific. London: J. Murray, 1868.

В июле 1842 г. Л. А. Загоскин был доставлен в Михайловский редут, где он сразу же, помимо подготовки к экспедиции, приступил к естественно-научным исследованиям (в частности, он стал регулярно фиксировать состояние погоды и выполнять фенологические наблюдения) и сбору географической информации у бывалых промышленников, толмачей и местных жителей. Много внимания лейтенант Лаврентий Загоскин уделял выяснению деталей предшествовавших экспедиций и маршрутов традиционных кочевок туземцев. В частности, он установил, что «самый близкий переход с приморья на Квихпак к реке Нулато туземцы имеют с реки Уналаклик» [9, л. 3]. В «Журнале действий северной сухопутной Экспедиции под Начальством лейтенанта Загоскина...» (который будет служить нам основным источником при изложении хода и результатов путешествия Л. А. Загоскина) детально освещены добытые им сведения о походе помощника мореходства Глазунова и приведены сообщенные последним «на туземном языке» названия для «многих куп местной цепи гор» [9, л. 3].

При описании Михайловского редута и его окрестностей, как и во всем последующем материале экспедиционного журнала Л. А. Загоскина, весьма значительная, а во многих случаях ведущая роль отводится туземной информации, которая, по наблюдениям путешественника, была вполне надежной и точной. Уже рассказывая о Михайловском редуте, он замечает по этому поводу следующее:

При основании редута одна из туземок прилежащего жила не советовала селиться на настоящем месте, сказывая, что на ее памяти оно было два раза потопляемо: слова ее приняты за басню, но справедливость бывшего может быть подтверждаема крупными наносными полусгнившими бревнами, находящимися на возвышеннейших частях острова, в удалении от берега более нежели на милю (9, л. 10–10об.).

Одной из важных задач, поставленных перед Л. А. Загоскиным, было выяснение путей и племен, при помощи которых пушнина с Аляски поступала на Чукотку, минуя служащих Российско-Американской компании. Посредники, осуществлявшие торговлю с народами Северо-Восточной Азии, в то время были известны под собирательным именем малеймютов, и название это, по мнению американского этнографа Дороти Рэй, в 30–40-х гг. XIX в., очевидно, относилось к любому эскимосскому торговцу с севера. Загоскин же полагал, что эти племена целиком занимали полуостров Сьюарт, и пояснял, что их название лишь означает, что это народ, который обитает в «юртах из одеял» [10, с. 130]. «Сведения о местах жительства маллеймютов», которые были нужны для прекращения «переходу пушных промыслов с Американского берега на Азиатский», собраны Л. А. Загоскиным «от бывшего толмача при северной экспедиции г. Кашеварова и проверены неоднократно подтверждениями других туземцев того края». Полученные данные были помещены Загоскиным на карте, по берегу полуострова Сьюарт, причем в своем журнале по этому поводу он высказывает следующее соображение, весьма метко характеризующее важность для картографии даже такой приблизительной информации:

Очень может быть, что с показания туземцев я не весьма верно поместил настоящие места жил, но 5–6 миль тут ничего не значат; знаю по опыту, что для первого путешествия важно знать чрез сколько дней или часов перехода попадешь в жили, многолюдно ли оно, в каких местах находятся летники и зимники; по этому рассчитываешь и ходом, и провизией, и бдительностью (9, л. 16об.).

Помимо показа этих поселений на своей карте, Л. А. Загоскин составил «Список жил по побережью от реки Уналаклик к Северу до мыса Барро» [м. Барроу], в котором даны краткие сведения о поселениях; например, о некоторых из наиболее важных сказано следующее:

Ныхта [район современного Тин-Сити] на мысе принца Валлийского одна из главнейших... Капык, при речке того же имени, известное под именем Букланда [современная река Бакленд] и называемое от Инкиликов Коцохотана; многолюдное... Чиливик [современный Селавик (?)], по реке того же имени, место устья этой реки, значительной по словам туземцев, означено на карте Кап. Бичи «не исследовано» (9, л. 17–17об.).

Кроме сбора информации у туземцев, Л. А. Загоскин при подготовке к экспедиции в Михайловском редуте критически изучал материалы пред-

шествовавших походов, используя карту Малахова и путевой журнал Глазунова. Из карты П. М. Малахова Л. А. Загоскин почерпнул, что «от Уналаклика до выхода на Квихпак по прямому расстоянию... 100 миль, или 175 верст, да оттуда до Нулато 30 миль, или 52 версты, т. е. всего 227 верст». Анализируя карту, он отметил, что у Малахова места по долготе нанесены восточнее их истинного положения, так как он не учитывал в счислении времени стоянок, а широты отличались более чем на 2 минуты из-за неверности инструмента [9, л. 26–27].

При изучении материалов предшествовавших походов Л. А. Загоскин большое внимание уделял взаимоотношениям путешественников с туземцами. По этому поводу он замечает, что

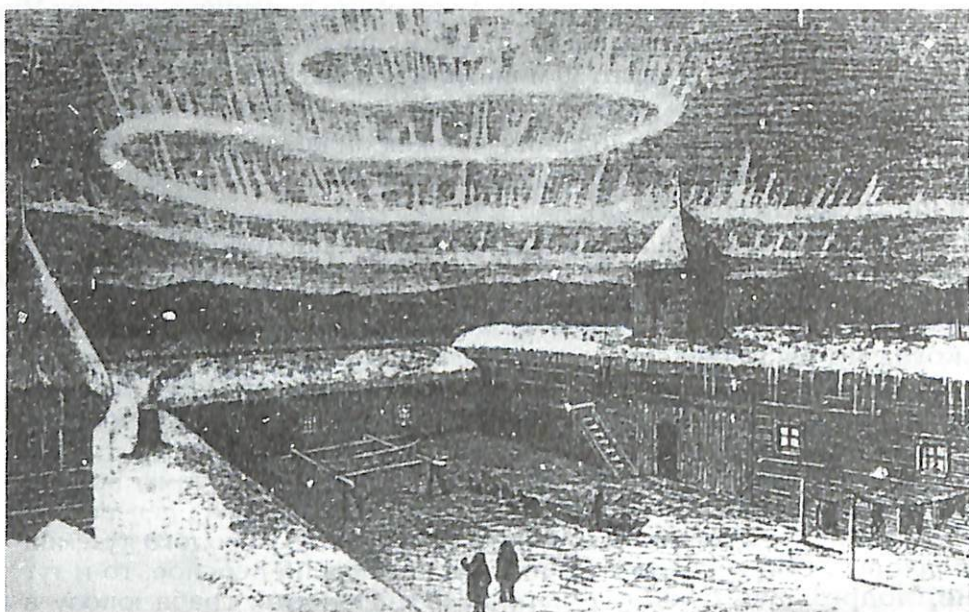
...когда по распоряжению колониального начальства предписано было осмотреть и основаться в тех местах, то сметливые торговцы [туземцы], понимая силу русских и предвидя для себя убытки, прибегнули к политике Макиавеля [Николо Макиавелли], предложив свои услуги быть проводниками, они ровно четыре зимы водили Глазунова и Малахова на Квихпак, но всегда скрывая легчайший и ближайший путь; когда наконец чрез одного молодого туземца Малахову в 838 г. удалось осмотреть настоящий перенос, то и тут оне, подрезывая суммы с товарами в транспорте, грабя юколу в Уналаклике, страшая именем русских доверчивых туземцев Квихпака и подговаривая своих соплеменников такаяксанцов отделаться от нас ножом; чтоб остаться в стороне и избежать мести, сами посылали с уведомлением о таких происшествиях.

При этом Л. А. Загоскин подчеркивает, что об этих торговцах говорилось, что «редкий из Улугак-мют не шаман», настолько велика была их известность как искусных путешественников и хитрецов [9, л. 27об.].

Л. А. Загоскин пробыл в Михайловском редуте до конца 1842 г., и, наконец, когда «два побочных солнца, или, как величают на Святой Руси, уши, обещали постоянство морозов», экспедиционный отряд отправился в путь вверх по реке Уналаклик. Как пишет Загоскин: «Я был сам десять, исключая четырех человек проводников, или вернее топталыщиков, потому что направление переноса знали многие русские». Правой рукой начальника экспедиции стал поступивший к нему вместо креола Вертопрахова

тунгус [эвенк] Никитин, бывший стрелком в экспедиции г. Козьмина при описи Шантарских островов, — пишет Загоскин, — я должен благодарить Бога, и признаюсь, что без смысленности этого человека на все мастерства, опытности в пешеходных походах и стрельбе оленей в течение полуторых годов экспедиция принуждена была бы израсходовать много товаров на покупку провизий [9, л. 18об., 19, 29об.].

15 января 1843 г. путешественники прибыли в Нулато без особенных осложнений, если не считать того, что Л. А. Загоскин, «чувствуя себя не очень здоровым,... не замечал по компасу колена реки» [9, л. 35]. Одиночкой Нулато, которую экспедиция сделала своей зимней базой, в то время управлял

*Северное сияние в редуте Нулато на реке Юкон. 27 декабря 1866 г.
Рисунок Фредерика Уимпера*

байдарщик Дерябин, участвовавший во всех предыдущих походах промышленников Глазунова и Малахова и имевший поэтому возможность сообщить Л. А. Загоскину некоторые подробности этих экспедиций. Приобретя в Нулато три легких «нарточки» местного изготовления и взяв в проводники «здешнего туземца» Татлика, «прозванного Волосатиком», лейтенант Лаврентий Загоскин пошел в рекогносцировку вверх по Юкону, который, как он выяснил, назывался «на приморском языке — Квихпак, на наречии низовых ингаликов — Юк-хана, верхних — Юн-а, что означает в переводе одно и то же — „Большая река“» [9, л. 38–40].

Передвижение по заснеженной тайге и торосистой реке оказалось весьма непростым. Загоскин отметил в своем путевом журнале по этому поводу следующее: «Туземцы прокладывают свои пути к избранному предмету чрез леса довольно верно; но мы вынуждены были идти весь день по палке, т. е. ощупывая занесенный след». Продвинуться таким манером достаточно далеко от Нулато отряду не удалось, поэтому Л. А. Загоскину в зимнее время пришлось довольствоваться в основном опросами туземцев и географическими наблюдениями. Из детальных опросов он выяснил «главнейшие сведения... о переносе к Зунду Котцебу [залив Коцебу] и сообщении здешних туземцев с тамошними», причем в материалы экспедиции Лаврентий Загоскин поместил «только те сведения, которые проверены собственным опытом и сходственными показаниями других туземцев, с которыми впоследствии...» он имел «многочисленные сношения» [9, л. 42об.–43об.].

Загоскин выяснил также, что русские известны у местных жителей под названием «касяка», что, по его мнению, представляет

испорченное имя казак, которые, как известно, были первыми властителями Андреяновской гряды, составляющей восточную половину островов, прозванных Алеутскими (9, л. 46об.).

Зимой и весной 1843 г. Л. А. Загоскин произвел первые на Юконе детальные фенологические наблюдения, во время которых им зафиксировано, что

18-го апреля показалась на [реке] Нулато первая утка из рода крохалей, 20-го прилетел первый гусь и убит: плохая примета, — добавляет путешественник, — убить гуся сторожка, не будет в тот год много птицы, — да нечего было делать, гусь последовал на суточный паяк двум человекам; с 22-го началась стрельба и все остальные дни месяца мы были сыты.

Детально и поэтично прослежены Л. А. Загоскиным этапы наступления весны:

В ночь на 1-е мая разлился Нулато..., с 5-го мая полетели гуси и вереницы журавлей..., 8-го числа тронулся лед на Квихпаке. Небесная синь отразилась местами в водах, берега заплывали, обновившаяся природа заликовала... В этот год вода не достигала почти на пять четвертей для потопления берега... 11-го числа вечером огласили весну лягушки, и до того глубокие снега в лесах исчезли как бы волшебством; на проталинах и солнцепеках показалась зелень с 26-го апреля; 1-го мая мы встретили щами из крапивы, к 14-му распустились березы; не только с 15-го я начал собирать некоторые растения в цвете; насекомых с 18-го; а птиц с начала моего похода в Нулато, — эту манию напустил, кажется, на всех чиновников Ново-Архангельска прибывший в Колонии в 840 году от Академии наук, зоолог препаратор г. Вознесенский. При отправлении моем, получа некоторые наставления о цепарировании, г. Вознесенский не отказал и в некоторых материалах, и в том числе снабдил меня мешком из тонкого марлиня для ловли насекомых; отдавая отчет о всех расходах экспедиции, я не должен умолчать, что как волосяное решето, взятое у разъездного байдарщика, употреблено на очки команде, так и сей мешок пошел для сеток от комаров. Это все примечание для тех, которые последуют для дальнейших открытий наших американских владений... Пролетной птицы не стало видно с 15-го числа, 27-го мая, в 4-м часу пополудни был первый гром с дождем, при нашедшей от ОНО туче, термометр + 15, 5 (9, л. 50об.-52).

С наступлением летней погоды отряд Л. А. Загоскина отправился вверх по Юкону. Вот что записал по поводу цели этого похода и его основного результата начальник экспедиции:

Мы все льстили надеждою, что достигнем гор, отделяющих Британские владения от наших; я предполагал разрешить гипотезу Мекензия, относительно большой реки, протекающей к западу от

Каменного пояса; плавание такого рода мне было знакомо по двухгодичным разъездам от Астрахани до Царицына; но я должен признаться здесь вначале, что относительно этого вопроса труды наши пропали почти даром, потому что обзор Квихпака на 300 или 350 верст вверх от Нулато неудовлетворителен для его разрешения (9, л. 53).

Следует заметить, что в такой осторожной оценке результатов похода по Юкону мы видим одно из многих подтверждений исключительной добросовестности и объективности наблюдений и выводов Л. А. Загоскина: проведенные им исследования оставляли весьма мало сомнений в том, что Квихпак берет начало в хребте (вернее, плато), разделяющем владения Компании Гудзонова залива и Российской-Американской компании, и является тем самым Юконом, в верхнем течении которого уже обосновались англичане. На правильность такого вывода указывали как общегеографические соображения, базирующиеся на выясненной экспедициями Л. А. Загоскина и его предшественников общей орогидрографической структуре страны, так и собранные Лаврентием Загоскиным у туземцев данные о названиях Квихпака, созвучие двух форм из которых («Юн-а» и «Юк-хана») Юкону вряд ли могло быть объяснено простым совпадением. Л. А. Загоскин, однако, не решился категорически утверждать тождественность этих рек. Окончательно этот факт был доказан лишь в 1863 г., когда Иван Лукин, сын вездесущего начальника Колмаковского редута С. И. Лукина, прошел вверх по Юкону до современного Доусона в Канаде. Таким образом эта могучая река была исследована русскими практически на всем ее протяжении [5, с. 33], и было доказано, что именно она является «Великой Рекой» Александра Макензи.

Другой главной задачей экспедиции Л. А. Загоскина была попутная съемка и картографирование. В полевом журнале имеется следующее описание этих работ при походе вверх по Квихпаку:

...я замечая по компасу одне главные направления, и кладя на каждом ночлеге антретно [т. е. приблизительно] пройденные расстояния, обрисовываю берега и окружные горы. Сколько то позволяет пешеходная опись, астрономические наблюдения дают мне возможность исправлять неизбежные ошибки такого рода счисления (9, л. 56).

Загоскин уделял пристальное внимание местным географическим названиям, выявляя их варианты у представителей различных племен и стараясь также выяснить смысловое значение этих названий, например:

Крайний утес гор, прилежащих правому берегу, туземцы называют Хамынчихтен, Брусковой, согласно сложению его горнокаменной породы. Квихпак в этом месте до 1 1/2 миль ширины. На южном берегу против утеса виднеются зимники жила Тлялилькахат, крайнее, пограничное, — от слова Тлялы — стой, не ходи далее. По словам [проводника] Вторника, туземцы этого жила суть последние, спускающиеся в Нулато для расторжек. Далее вверх, рассказывал Вторник, особое племя, разнящееся наречием, имеет

свои зимники в верховьях рек и выходят на Квихпак только для запаса рыбы (9, л. 58об.).

Следует заметить, что для выяснения всех этих подробностей приходилось преодолевать значительные языковые трудности, о чем, в частности, ярко рассказано в следующем описании Л. А. Загоскиным получения им опросной информации о местности:

Вот сущность рассказа дикарей о своей стране, но чтоб не понести нарекания в будущем, считаю долгом представить, что все сведения, собранные мною, как здесь от туземцев племени Тлегонхотана, так и от встречаемых впоследствии, доходили до меня следующим порядком: на мои вопросы туземцы отвечали второму проводнику, тот передавал Татлеку, сей толмачу — испанско-креолу-алеуту, а этот последний мне, таким образом и верно переданные показания могут быть искажены чрез изустные передачи толмачей, едва понимающих друг друга. За этими горами, — говорили дикари, — показывая на полдень, есть речка Тлегон, по которой живет наше племя или родственники, что у них одно и то же, но истоку ее не знаем, потому что туда не ходим... Я просил указать направление переноса, которым они вышли, и они показали к OZO правого компаса (9, л. 60об.).

В 1838–1839 гг. на реке Тлегон побывали служащие Российско-Американской компании креолы П. Ф. Колмаков и Маркел Матросов. Во время экспедиции Л. А. Загоскин пользовался картой этого района, составленной Колмаковым в 1839 г., однако, сравнивая эту карту с полученной от туземцев информацией, лейтенант Загоскин поначалу «никак не мог разобрать, что он именно от вершины почти до устья прошел по *Тлегону* [выделено в журнале], который назван им Легон. Журналом Колмакова это легко объяснилось бы, но копии этого журнала не находится в Ново-Архангельске». Позже, когда Загоскин собирал сведения о путях перехода из бассейна реки Квихпака в долину Кусокуима, ему «много способствовал посещавший 8-го сентября [1843 г.] икогмют, туземец с низовья Иттеге по прозвищу Кантельнук, постоянный торговец с редута Колмакова». Кантельнук разъяснил Л. А. Загоскину, что «река Легон Колмакова (правильнее — Тлегон. — А. П.) есть вершина реки Тильтонотно, или Иннока», о которой путешественник слышал «по лету от верховых народов Квихпака и которой низовье известно нам на языках народов Ттынан и Кан-юлгет под именем Иттеке и Чагелюка» [9, л. 91]. В 1844 г. вопросы и сомнения Загоскина по поводу карты Колмакова были рассеяны окончательно благодаря рассказам бывшего в то время у него в команде одного из гребцов Колмакова, а также управляющего Колмаковским редутом С. И. Лукина и помощника П. Ф. Колмакова Маркела Матросова [9, л. 60]. При чем, чтобы согласовать полученную от туземцев информацию с описью Колмакова и своими собственными съемками и наблюдениями во время путешествия к верховьям Квихпака, Л. А. Загоскин приводит следующий, имеющий самостоятельное значение «очерк трудов П. Колмакова»:

По приказанию г. Главного Правителя Колоний Н. А. Куприянова, П. Колмаков отправлен из Александровского редута на 5-ти байдарках для обозрения страны, прилегающей к вершине Кускоквима. Колмаков, получа необходимые пособия в проводниках и юколе от управляющего Кускоквимской одиночки Лукина, поднялся до р. Точотно, или, как он называет, Токхонотут, сведав о возможности переноса на другую реку, которая по отзывам туземцев впадает в Квихпак, 12-го июня он пустился в путь, описывает перенос незатруднительным для байдарок и полагает его в 36 верст, — всем вероятиям и того короче. Вершины реки, на которую перешел Колмаков, туземцы называют Тлегон или Легон, и вся река на его карте означена под этим именем; принимаемый ласково туземцами, которые, по отзыву участвовавшего в экспедиции креола Матрозова, не имеют обширных жил и немногочисленны, Колмаков нуждался в жизненном продовольствии, потому что еще не наступил ход морской рыбы, но в замен того собрал довольно бобровых шкур, слишком за 800, и 25-го того же месяца прибыл на жило Тталиты; имея в виду береговые горы Квихпака, он предполагал спуститься в Икогмют, но жители объявили ему о несчастии, постигшем в апреле месяце эту одиночку и советовали воротиться, — он послушался, и они показали ему ближайший переход на Кускоквим, с вершины реки Ялчикатна или Тачайчагат. Этот обратный переход до вершины Точотно, Колмаков означает крайне затруднительным в летнее время. Он оставил жило Тталиты 27-го июня и только 13-го июля прибыл на устье Точотно.

Все рассказы туземцев о направлении реки Шильтонотно, названия разных мест и побочных речек, согласны с означенными Колмаковым, только надобно пояснить, что при составлении карты он не брал в соображение ни склонение компаса, ни определенность стран света, ниже постоянного масштаба для положения пройденных расстояний. Туземцы прибавили, что чрез небольшой перенос с реки Ттачэгно в Юлутно или Юкутно, верховые жители имеют сообщение с рекою Юнь-а — «Квихпаком». При следовании нашем по Квихпаку прошлым летом, мы проходили те места, на которые выходит племя Тлэго-Хотана, но не имея порядочного толмача, я не мог добиться подробностей переноса и означения переносной речки, которой устье по всем вероятностям должно находиться в протоке Нотлягелята, между обсервациями 16-го и 18-го июля. Малахов при поиске своем по Квихпаку, поместил реку Юкунак, сходную с Юкутно, по рассказам туземца, проживавшего близ утеса Банкатаньего.

Места жил на карте Колмакова означены общим именем Калчане — вернее, Голцане, — племя Красивого платья, данного вообще Ингаликам народом Каньюлит; вот названия главных жил, переданные мне туземцами, начиная с вершины реки: Тлегон, Тлегокохкатат, Тлекъэт, Кхоликакат, три последние есть одиночки (9, л. 116–117).

По наблюдениям Л. А. Загоскина, использование информации местных жителей требовало, при всей ее достоверности, внимательного анализа и хорошего знания характера представлений туземцев о местности, обуслов-

ленного образом существования, и даже стиля повествования о маршрутах их путешествий. Он подчеркивает, что

Дикарь, рассказывая о своем пути, ничего не пропустит, места, где курил трубку, пил воду, видел какого зверя и проч., и проч., и при каждом таком происшествии погибает палец — счета отдыхов или остановок; надобно иметь особую сметку и потому [видимо — «тому»], кто понимает, а мне, считающему пальцы, по совести можно ли брать на себя авторитет и утверждать положительно, что десять становьев туземцев составляют десять дней перехода. А на подобных заключениях о дальних и малоизвестных странах сколько есть прелюбопытных путешествий и не на русском языке (9, л. 60об.-61).

1 июля 1843 г. отряд Загоскина, не сумев провести байдару через обширный пережат, был вынужден повернуть назад и пошел вниз по течению Юкона. Координаты места, определенные в этот день начальником экспедиции, были: $64^{\circ}56'07''$ с. ш. и $154^{\circ}18'45''$ з. д. (от Гринвича).

По возвращении в Нулато, воспользовавшись короткой остановкой, Загоскин продолжил сбор информации о местности и занялся описанием Нулатовского отдела, в котором, в частности, отмечено, что сообщение его

с редутом Св. Михаила производится двояко: водой вверх по реке Квихпак и сухим путем чрез перенос к устью Уналаклик. Первый путь при упрощении его присылкой из Ново-Архангельска в 844 году деревянной байдары, дает способ в один рейс снабжать Нулато годичным провиантом на 10 человек команды и сверх того всеми товарами обширнейшей торговли, каковую способно производить это место... (9, л. 73-73об.).

Л. А. Загоскин установил также, что и в период до устройства постоянной одиночки в Нулато «байдарщики, проходя по всему Квихпаку, начинали торговаться на жилах от Анилухтакпака...». Весьма благоприятное впечатление на начальника экспедиции, бывшего, как известно, потомственным дворянином, произвели простые служащие Нулатовской одиночки и особенно ее байдарщик Дерябин: по этому поводу он, в частности, пишет следующее:

Управление одиночки лучшее, какое можно желать. Байдарщик занимается самыми тяжелыми работами по рыболовству, на нем одном лежат все заботы продовольствия команды; в даче припасов и товаров, посылаемых из редута не отличает себя от рабочих, неграмотен... Вот год, как я в сообществе простолюдинов, — продолжает лейтенант Загоскин, — и ежедневно среди дикарей; но первые ревнуют об общей пользе отечества, и беседы с ними никогда не наскучая, были часто мне поучительны, — вторые, по нравам и обыкновениям своим возбуждали мое любопытство (9, л. 74, 79об.).

5 августа экспедиция снова отправилась вниз по течению Юкона, к ней присоединился «веселившийся на Квихпахе улакагмют Тумачугнак, быв-

ший проводник Малахова...» Об экспедиционных работах в этом маршруте имеется следующая запись в путевом журнале Загоскина:

Не имея обсерваций [из-за погоды], я замечаю по компасу направление реки от мыса до мыса, и на каждом ночлеге прокладываю по карте проплытые расстояния, обозначая некоторые острова, крутые изгибы, ширину реки, протяжение и расстояние горного хребта обеих берегов: счисление вышло довольно верно с широтой, определенной Малаховым в 838 году, и потому принимаю на свою карту означенную им широту устья Какохотни, именно $63^{\circ}59'41''$, долготу по счислению $156^{\circ}41' W$ от Гринвича. Для геогнозии стараюсь собирать по несколько камней, составляющих главные горнокаменные породы прилегающих хребтов (9, л. 80об.).

Эта запись была сделана Л. А. Загоскиным у зимника Туттаго, который был известен у русских «под именем Игудовского, по имени улукагмюта Игудока, проживающего здесь по зимам для торговых сношений с туземцами Чагелюка». Путешественники стали замечать признаки наступления осени: еще будучи в Нулато, Загоскин зафиксировал в ночь с 30 на 31 июля падение температуры воздуха до $-1,5^{\circ}$, а в последующую неделю «при пасмурной и дождливой погоде, тальники начали желтеть и лист падать». Осенняя погода далее была постоянной спутницей путешественников, и 16 августа Л. А. Загоскин записал следующее наблюдение:

Вот полмесяца дождь, то лил, то сыпал бусом: старослуживые промышленные рассказывают, что в течение 10-ти лет, то есть с основания [Михайловского] редута, примечено, что август бывает дождливее всех месяцев в году. Не имею права не верить — рабочий народ вместо гигрометра, поверяет на себе степень влажности воздуха, и многие, смотря по колотью или ломоте, не хуже барометра предугадывают будущее состояние погоды (9, л. 84).

30 ноября отряд Л. А. Загоскина вышел на реку Кусокуим, и 3 декабря утомленные путешественники прибыли в Колмаковский редут, где были радушно приняты управляющим редут, пользующимся заслуженной известностью в колониях креолом С. И. Лукиным. И редут, и его управляющий произвели на лейтенанта Загоскина глубокое впечатление. Сравнивая Михайловский с Колмаковским отделом, он пишет:

В Михайловском отделе русские облеклись в туземную одежду, здесь, напротив, туземцы носят и зимою наши сукна; там управляющий Господин, здесь Тата [отец] и первый труженик.

Управляющий Колмаковским отделом «С. И. Лукин воспитывался у незабвенного Ал. Андр. Баранова, и с 819 года, с основания Александровского Редута, не выезжал из этого края». По наблюдениям Л. А. Загоскина, отсутствие каких-либо оборонительных укреплений в редуте Колмакова объяснялось тем, что С. И. Лукин и все его близкие полностью «включились» в окружающую их природную и этническую среду, о чем, в частности, свидетельствует следующий отрывок из дневника путешествия:

Сам Лукин по женитьбе на туземке с жила Угавик, — да и вся его команда по родственным связям по прямому колену или чрез жен с туземцами означенных мною пяти жил, должны ли бояться смерти от своих родственников [9, л. 99].

Кроме того, Лукин и Колмаков большинство окрестных туземцев к тому времени уже обратили в православную веру.

Большое впечатление на Л. А. Загоскина произвели обширные знания С. И. Лукина географии и народов, населяющих бассейны рек Кускокуим и Квихпак. Помимо того, что он был толмачом у Ф. П. Врангеля и участником экспедиции И. Я. Васильева, Лукин в 1832 г. был командирован для основания одиночки на Кускокуиме, а уже в 1833 г. «спускался для торговли как на низовые жила, так и завел сношения с туземцами, проживающими по Тхальхуку и Тычаннаника, — название Кускоквима кверху от впадения в него Хулитнака» [9, л. 97–97об.].

Одним из важных практических выводов многочисленных поездок С. И. Лукина было, что «естественные границы горного хребта означают, что вся система Кускоквимских вод должна принадлежать Колмакова редуту, притом Лукин открыл сообщение с Гольцанами прежде, нежели Кенайцы вздумали посещать их край в этом направлении». А что касается названия реки Кускокуима, то Л. А. Загоскин утверждает, что:

Знатоки языка Каньюлит, Глазунов и Лукин, называют эту реку Кускоквик; а окончание на им — относят к творительному падежу, но я, — продолжает Загоскин, — сохраняю то название, под которым эта река стала известна по экспедиции г. Васильева, и тем приношу единственную дань его трудам, потому что все прочие его определения реки неверны, что показано будет в своем месте. По местным наречиям Кускоквим слышится Кушкокван. Значение этих имен не могли мне объяснить ни один из здешних этимологов [9, л. 106об., 108–108об.].

К тому же Л. А. Загоскин выяснил, что «Кускоквим от ингаликских переселенцев называется Ттыкани; существует также форма Ттычаннаник» [9, л. 140об., 142об.]. Активное участие в многотрудных занятиях Колмаковского редута принимали дети Семена Лукина от первого брака: Иван, Константин, Анна и Матрена. Особо отмечен в дневнике Загоскина Иван Лукин, о котором сказано, что он без жалованья «употребляется во все посылки и работает на равне с командой» [9, л. 101об.–102].

К тому времени, когда в Колмаковском редуте появилась экспедиция Л. А. Загоскина, торгово-промысловая деятельность отдела приобрела вполне рутинный характер, хотя каждый из очередных походов, безусловно, приносил новые данные о географии и местных жителях внутренней Аляски. Хотя эти данные отнюдь не всегда фиксировались в описаниях и картах, они постепенно включались в то, что на современном языке условно можно назвать «традиционной геоинформационной системой», используемой как туземцами, так и промышленниками Российско-Американской компании. Объем местной информации, постоянно пополнявшей эту «сис-

тему», может характеризоваться в некоторой степени хотя бы тем, что для регулярных зимних и летних поездок с Колмаковского редута в год обычно нанималось в общей сложности от 40 до 60 проводников из местных жителей.

Летом обычно осуществлялись

два различных сплава при подъеме и возврате, во время которых две или три трехлючных байдарки, от 10-ти до 15-ти однолючных, отправляются от ред. Колмакова между 15 и 20 числами июня вверх по Кускоквиму, потом подымаясь по Хулитнаку и Таку, переносятся чрез холмистую тундру миль 7-мь в речку Уксуохчулик, приток Чичитнака, — потом по самому Чичитнаку спускаются в Ильягак, из которого wypлывают в реку Нутагак; возвращаются переносясь из Чичитнака в Чиньюахтахтули, приток Аим, и потом, Хулитной и Кускоквимом; — на весь путь употребляется слишком два месяца [9, л. 103об.].

Зимой 1844 г., как и в предыдущий сезон в Нулато, Л. А. Загоскин во время пребывания в Колмаковском редуте и походах в бассейне Кускокуима проводил регулярные метеорологические и фенологические наблюдения, уделяя при этом внимание местным синоптическим приметам. Так, например, 9 апреля, при температуре 15 градусов по Реомюру, в журнале экспедиции записано: «Днем жар был нестерпимым, насекомые показались на снегу, залетали бабочки, быть холодам, *решили натуралисты промышленные*» (выделено авт. — А. П.). Предсказания бывалых служащих Компании полностью сбылись — на следующий день было уже 2° мороза [9, л. 125об.—126].

19 мая 1844 г. отряд Л. А. Загоскина отправился вверх по Кускокуиму на двух трехлючных экспедиционных байдарках. С путешественниками пошел в свой регулярный промысловый рейс и управляющий Колмаковским редутом С. И. Лукин также на трехлючной байдарке и небольшой байдаре с товарами. Снова потянулись будни попутной топографической съемки, проведение которой усложнялось значительной извилистостью русла Кускокуима, меандрирующего в этих местах в весьма широкой долине. По этому поводу Л. А. Загоскин замечает в своем экспедиционном журнале:

Невозможно избежать погрешностей при определении прохождения плесов или колен, потому что [при] неравномерности течения и хода байдарок, лаг вовсе неудобен, а заключать антретно или по часам пройденные расстояния можно только приближенно. Замечаемые мною румбы колен и их протяжения я старался согласовать с обсервованными пунктами.

Относительно астрономических определений координат лейтенант Загоскин отмечает следующее:

Определение мест по реке Кускоквиму, произведенное мною, не согласуется с описью этой реки господином Васильевым, который, — как мне сказывал управляющий редутом, бывший при Васильеве толмачем, — во все время своего похода не имел случая

сделать ни одного астрономического наблюдения; это побудило меня означать все плеса Кускоквима и антретные их протяжения, проверенные каждодневными наблюдениями (9, л. 138–139об.).

В частности, лейтенантом Загоскиным «устье Хулитнака определено наблюдениями в широте $61^{\circ}41'55''$ и долготы $157^{\circ}01'01''$ W от Гренвича. Разница против определения г. Васильева по широте к югу на $20'35''$ и по долготы к западу на $1^{\circ}05'28''$ » [9, л. 141].

На Кускокуиме Л. А. Загоскин стал свидетелем того, что трагические последствия для животного мира тайги иногда возникали не только от хищнической охоты на пушного зверя, но и от неразумных действий туземцев. Так, он констатирует, что

в настоящее время лучшие бобровые притоки вод Кускоквимских вызжены туземцем, который, желая добыть медвежонка, забравшегося на ель, зажег ее (9, л. 142).

Русские исследователи континентальной Аляски обращали большое внимание на изучение возможностей перехода из бассейна реки Кускокуим в Кенайский залив. Предполагалось, что один из таких перевалов находился в верховьях реки Тхальхук [Стони-Ривер], о которой Л. А. Загоскин также постарался собрать как можно более полную информацию и обобщил ее в журнале следующим образом:

Река Тхальхук стала нам известна в 834 году, по экспедиции пом. мореходства Глазунова, но еще за год до него настоящий управляющий редутом Колмакова [С. Лукин], посещал жителей Тхальхука в самых их жилищах, до которых Глазунов не доходил. Жители этой реки, принадлежа семье народа Ттынаи, соплеменны известным в Компании кенайцам, которых в свою очередь правильнее было бы называть ттынайцами. Тхальхук при устьях протекает от О-та, но по словам Управляющего Редутом, вершину имеет между Северовостоком и Востоком; выше жила Тхальхукских Ттынаи, он по причине порогов не был в состоянии подняться на байдарках, но туземцы сказывают, что река эта вытекает из озера, находящегося среди горной цепи [возможно, что они имели в виду оз. Телакуана, расположенное в верховьях Стони-Ривер — А. П.], известной под названием Чигмют — Каменные. Несколько ближайших пиков этой цепи видны милях в 50-ти с холма, находящегося на правом берегу Ттычаннаника против нижнего устья Тхальхука. Хребет Чигмют отделяет бассейн Кускоквимских вод от вливающих в Кенайский залив, и, может быть, составляет ветвь настоящего каменного пояса, видимого г. Макензи в своем плавании к Ледовитому морю (9, л. 142–143).

1 июня 1844 г. Л. А. Загоскин получил от трех туземцев следующее описание верхнего течения реки Кускокуима (Ттычаннаника) и ее притоков:

Речка эта образуется из многих горных ручьев, но главнейшим ее протоком называют речку Тогтыгчагно, впадающую со стороны Кенайского залива. Название самых вершинных источников Ттычан-

наника они не знают, но снизу или от Точотно вот имена значительнейших: 1. Злагызатно, вершину ее означают из одного озера с реки Манташтано или Тхалькук. 2. Шахчагно. 3. Точинниго. 4. Чатамчагат. 5. Хогчехнихо и 6. Тогтыгчагно; все они изобилуют бобрами и, исключая Чатамчагат, протекают со стороны Кенайского залива или от юго-востока. Рекою Тогтыгчагно, по зимнему пути кенайцы выходят к верховым жителям Ттычаннаника, которые для главнейших с ними переторжек собираются на жила Иццыно, находящееся близ устья Тогтыгчагно. Больших жил у тамошних туземцев нет, а живут большею частию отдельными семьями, в вершинах речек, занимаясь оленьим, сохатиным и бобровым промыслами... Вершину реки Ттычаннаника мне указали на востоке, вершину Тогтыгчагно на юго-востоке, расстояние от устья Точотно до жила Иццыно означили семи днями пути, или расстоянием от сего места до устья Холитно (9, л. 147–147об.).

Приведенное описание, по-видимому, являлось во многом типичным материалом опросов туземного населения, проводившихся Л. А. Загоскиным и использованных им для составления экспедиционной карты в тех ее частях, где отсутствовали данные непосредственных наблюдений. К таким расспросам исследователь относился очень осторожно, отмечая по этому поводу: «Я вообще опасался помещать те известия о неизвестных нам странах, которые не мог проверить личным наблюдением или свидетельством нескольких туземцев...» Наверно, из-за невозможности осуществить такую многократную проверку по независимым источникам и личным наблюдениям, Загоскин не стал помещать на своей карте сведений «...касательно существования большого озера или Средиземного прекрасного моря, находящегося по всем вероятиям между 150 и 154 градусами Западной долготы от Гринвича и между параллелями 63 и 65 градусов широты. Сообщения с этим озером, — по мнению путешественника, — должно искать речкою Ноггойа, изливающейся в Квихпак», где лейтенант Загоскин «получил первые известия о большом озере Мынххатох, изобильном рыбою, о многолюдстве жителей, обитающих по его берегам и множестве бобров, водящихся в его притоках» [9, л. 147об.–148]. Нам, вероятно, никогда не удастся установить точно, какое озеро имели в виду туземцы в своих рассказах Л. А. Загоскину, но нельзя целиком исключить возможности, что до жителей долин рек Юкона и Кускокуима в то время доходили сведения о северной части Великих озер или Гудзоновом заливе.

Хотя путешественники весьма желали достигнуть верховьев реки Кускокуима, но, по расчетам Л. А. Загоскина, на это требовалось потратить еще не менее двух недель «и, задержав команду Редута, расстроить распоряжение Управляющего относительно своевременной отправки пушного промысла». Этому начальник экспедиции позволить себе не мог: 4 июня отряд повернул в обратный путь и, переночевав в устье реки Холитно, на следующий день в 10 часов вечера благополучно прибыл в Колмаковский редут. Затем путешественники снова пошли на Квихпак, причем по пути, в селении Кххалькас-мют, Л. А. Загоскин сделал интересное наблюдение, в оче-

редной раз свидетельствовавшее о сложной системе, выражаясь современным языком, экологических традиций и запретов, сформировавшейся у местного населения. В этом поселении члены экспедиции стали свидетелями начала хода морской рыбы и выяснили, что

по обычаям туземцев никакой стук близ реки не должен возмущать рыбу во все время ее хода: все работы производятся в отдалении от жила и ее берегов. В Кххалькаг-мюте строго следуют этому суеверию,

но для снабжения путешественников провизией было сделано исключение из этого строгого правила [9, л. 148об.–149].

10 июня, перевалив водораздел бассейнов рек Кускокуима и Квихпака, отряд Л. А. Загоскина вышел на Квихпак в полутора милях от селения Икогмют. В селении его гостеприимно встретил байдарщик Икогмюта П. М. Глазунов, который во время отдыха экспедиции, продолжавшегося до 13 июня, поведал Загоскину некоторые детали своего похода на Квихпак.

На своем пути к океану, вниз по Квихпаку, Л. А. Загоскин использовал обнаруженную Глазуновым протоку Ангун (Анхун), по которой добрался «до одиночки паштольцев, называемой Аимгагиаг-мют, где виднеются остатки как бы некоторого рода крепости, состоявшей из окопа и земляного вала». Эта крепость, по свидетельству П. М. Глазунова, подтвержденному информацией Загоскина, играла заметную роль в истории местных племен, о чем

паштольцы рассказывают, что в былые годы Чнаг-мюты воевали с Магг-Мютами и разбитые наголову укрылись в эту крепость, которая впоследствии была разрушена неприятелями [9, л. 157–157об.].

5 августа 1844 г. экспедиция лейтенанта Загоскина была принята у реду-та Св. Михаила на борт брига «Охотск» и 26 сентября благополучно прибыла в Ново-Архангельск [9, л. 159]. Правитель российских колоний в Америке, сообщая в Петербург о завершении экспедиции, в следующих выражениях охарактеризовал ее результаты, главным образом, в отношении интересов Российско-Американской компании:

Имея честь представить при сем Главному Правлению веденный г. Загоскиным подробный журнал действий его экспедиции и составленную им карту всех путей, пройденных экспедицией во внутренности той части северной нашей Америки, должен сказать, что хотя г. Загоскину не удалось вполне оправдать мои ожидания, и он не мог лично распространить свои исследования и поиски до Коцебу-Зунда (главнейшей цели его экспедиции) и прошел весьма малое пространство вне известных уже нам до сего времени пределов Американского материка вверх по реке Квихпак, но не менее того должно признать, что труды г. Загоскина были немаловажны... Записки сии (журнал) указывают как легчайшими способами доставлять в редуты и одиночки товары и разные другие потребности, посредством водяных сообщений по рекам Квихпак и Кускоквим и по притокам, впадающим в оные, так и вообще промышленность и ход туземной торговли той страны,

равно открыли оне разные недостатки и злоупотребления тамошнего управления и указывают, как выгоднейшим образом достичь желаемой цели: чтобы промысла не переходили мимо рук Компании с Американского на Азиатский берег (11, л. 61–61об.).

Экспедиция Л. А. Загоскина была выдающимся достижением в изучении природы и населения внутренней Аляски, что признавалось как его современниками, так и учеными нашего века.

Первая статья об итогах экспедиции была опубликована в «Записках Гидрографического департамента» сразу же по возвращении Л. А. Загоскина в Санкт-Петербург [12]. Зимой 1846 г. путешественник получил отпуск и уехал домой. 8 января на Общем собрании Императорского Русского географического общества было зачитано С. И. Зеленым сообщение о путешествии: текст этого сообщения с картой опубликован в «Записках» Общества [13]. Непосредственно вслед за этим был опубликован основной труд Л. А. Загоскина «Пешеходная опись части русских владений в Америке...»* в двух томах [14]. Обзоры путешествия напечатаны также за рубежом [15–17].

Научная общественность России сразу же весьма высоко оценила труды Л. А. Загоскина: в 1849 г. путешественник был избран действительным членом Императорского Русского географического общества, а также получил премию Петербургской академии наук. Труд Загоскина «Пешеходная опись...» был удостоен высокой академической награды. (Впервые премия Академии была присуждена 28-летнему П. Л. Чебышеву за его докторскую диссертацию «Теория сравнений», ставшую классическим математическим трудом.) Современники Л. А. Загоскина отмечали, что, хотя он и не был профессиональным ученым-географом, его исследования выделяются своей скрупулезной точностью, конкретностью и ясностью географических наблюдений и описаний, основанных только на том, что путешественник видел и тщательно проверил лично. Именно поэтому даже теперь, спустя более 150 лет, его наблюдения остаются ценным источником для исследователей. Известный русский естествоиспытатель и путешественник, академик А. Ф. Миддендорф (1815–1894 гг.) высоко оценивал картографические результаты экспедиции Л. А. Загоскина, подчеркивая, что она заложила основы картографирования этого обширного района с точным определением 40 пунктов по широте и долготе.

Картографические результаты экспедиции Л. А. Загоскина были действительно замечательны, и объясняется это тем, что он не только сам произ-

*Копия печати
Российско-Американской Компании*

Рисунок в книге: 200-летие открытия Аляски. Издание Русского исторического общества в Америке под председательством М. Д. Седых. Сан-Франциско, 1943

* Первая часть этого труда впервые опубликована в журнале «Библиотека для чтения» в июле и августе 1847 г.

вел точные маршрутные съемки и астрономические определения координат, но и обобщил результаты работ русских и зарубежных предшественников, тщательно проверив их с показаниями местных жителей и бывалых компанейских служащих. «Меркаторская карта части Северозападного берега Америки, составленная лейтенантом Загоскиным в Экспедиции 1842, 43 и 44 годах», отражавшая непосредственные результаты экспедиции, сохранилась в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ) в Санкт-Петербурге [18]. Судя по официальному рапорту главного правителя колоний А. К. Этолина, карта была отправлена в комплекте с другими описями владений Российско-Американской компании при депеше № 382 от 15 мая 1845 года [19, л. 100]. Это этапное произведение бесспорно доказывает факт выявления Загоскиным общей орогидрографической схемы нижнего и среднего течения рек Юкона и Кускокуима, причем пространственные соотношения бассейнов этих двух великих рек Аляски картографически определены абсолютно точно благодаря трем пройденным и снятым экспедицией маршрутам волоков, издавна использовавшихся местными племенами. Нижнее течение Квихпака географически и картографически «привязано» к побережью залива Нортон, потому что от Хоголтлинде маршрут по Юкону замыкается через реку Уналаклик (в устье которой Л. А. Загоскин выполнил наблюдения на полном астропункте с определениями координат широты и долготы) на побережье океана, а затем вдоль него и по морю через полный астропункт в Михайловском редуте — на устье протоки Ангун и далее — к астрономическому пункту Икогмют одиночки. Этот замкнутый ход дополнен двумя пунктами с астрономическим определением координат широты и долготы на Кускокуиме (Квыгым палма и Хунаннилинде). Эта система полных астропунктов в сочетании с определениями широты и хронометрическими долготами, а также соединяющие эти пункты маршруты Загоскина с рекогносцировочной съемкой создают достаточно прочный геодезический «каркас» для составления обзорной карты, впервые достоверно выявившей основные орогидрографические черты изученного Загоскиным района.

В книге Л. А. Загоскина «Пешеходная опись...» географические рамки изображенной территории значительно расширены за счет включения сведений из карт, отчетов и рассказов его предшественников: русских, туземцев и креолов, первооткрывателей рек, впадающих в Берингово море и Северный Ледовитый океан. Материалом для составления опубликованной в книге «Меркаторской генеральной карты части Российских владений в Америке, составленной лейтенантом Загоскиным в экспедиции 1842, 1843 и 1844 годах» [20, с. 123] служили также русские и английские карты. Так, береговая линия Аляски была нанесена с оригинальных карт Дж. Франклина (1825–1826), П. Диза и Т. Симпсона (1837), Ф. Бичи (1827), с описи Дж. Кука, с карты и описи В. С. Хромченко (1822), с оригинальной карты морехода А. Устюгова (1819), с карты Ф. П. Литке (1828) и др. Для показа внутренних территорий, кроме собственных съемок, Л. А. Загоскиным были использованы журнал и опись И. Я. Васильева, карты П. Колмакова и С. Лукина [21–22].

Исследования Л. А. Загоскина весьма высоко оценены учеными XX в., а добытые им сведения о населении внутренних частей Аляски до сих пор активно используются как достоверный источник по этнографии этих народов на период начала их контактов с европейцами. Один из выдающихся американских исследователей атапаской индейской культуры Корнелий Осгуд (*Cornelius Osgood*) отмечал, что

сообщение Загоскина является выдающимся источником по истории, географии и науке Западной Аляски в период, когда она находилась под Российским Флагом... и что никто более в XIX веке не сделал так много для изучения этнографии ингаликов, как Загоскин [23, с. 39, с. 45].

Вендель Освальт (*Wendell H. Oswalt*), посвятивший много лет изучению эскимосов, населявших долину реки Кускокуим, утверждал, что описания Л. А. Загоскиным кускокуимских народностей до сих пор являются главным этнографическим источником для района среднего течения реки [24]. В научной литературе можно найти и другие высказывания подобного характера, но и этих достаточно, чтобы судить о той оценке, которую дают материалам экспедиции Загоскина специалисты спустя 150 лет. Конечно, значение, которое придают антропологи и историки этнографическим данным в сообщениях Л. А. Загоскина, частично обусловлено тем фактом, что он наблюдал народности Юкона и Кускокуима в то время, когда образ жизни их был абсолютно не изменен контактами с русскими. В то же время лишь сравнительно недавно Юго-Западная Аляска стала объектом пристального внимания этнографов. В этих районах современные этнографические исследования проводили Осгуд и де Лагуна на Юконе — в 30–40-х гг. и Освальт на Кускокуиме — в 50-х. Тем не менее, как подчеркивает ведущий американский этнограф, специалист по Аляске, профессор Джеймс Вэн Стоун, вполне вероятно, даже если этот район станет одним из наиболее интенсивно исследованных частей Северной Америки, работа Загоскина и тогда будет привлекать внимание и служить тем фундаментом, на котором основываются другие исследования. Обращаясь к конкретным примерам этнографических данных Л. А. Загоскина, активно использованных современными исследователями, Дж. Вэн Стоун прежде всего отмечает его вклад в решение одной из наиболее трудных этнографических проблем Юго-Западной Аляски, а именно — сложного подкультурного разделения района атапаско-эскимосского сообщества вдоль нижнего течения реки Юкон и ее притоков. Наблюдения Загоскина по этому вопросу были удивительно достоверны, и их точность подтверждена де Лагуной во время ее исследований в долине Юкона в 1935 г. И Осгуд, и де Лагуна решительно встают на защиту Загоскина против несправедливых обвинений Далла, утверждавшего, что русский путешественник получал информацию об ингаликах не из непосредственных контактов с ними, а якобы по слухам [23, 25, 26].

Большую ценность для современных исследователей представляет то, что Л. А. Загоскин по возможности всегда записывал название каждого поселения, которое он посещал или о котором ему было сообщено во время

его длительного похода. Он часто отмечал численность населения и записывал свои собственные наблюдения о его быте и нравах, представляющие большой интерес для современных специалистов. Например, остановившись в 1843 г. в поселении Тулукагначмит (Воронья деревня) в среднем течении Кускокуима, несколько ниже Аниака, он заметил, что в селении в пяти жилищах обитало 90 туземцев, и 20 из них были христианами. Две христианские семьи были крещены в Александровском редуте в устье реки Нушагак и совсем недавно переселились в Воронью деревню. Когда Загоскин посетил селение, все обитатели, за исключением одного мужчины и трех женщин, участвовали в поминках в Укхагмюит ниже по течению. Одна из старух дала ему рыбы для собак, а мужчина украл топор. Информация, подобная этой, делает работу Л. А. Загоскина ценной как для историко-географов, так и для этнографов, старающихся реконструировать характер распределения и особенности поселений туземцев в XIX в. [24, 25, 27]. Полевые дневники Загоскина наполнены краткими, но полезными заметками по этнографии района, освещающими, в частности, жизненный цикл существования эскимосов реки Кускокуим, торговые отношения между различными эскимосскими группами, между эскимосами и индейцами нижнего Юкона, устройство домов и захоронение умерших на Юконе и многое другое. Этнографы также активно используют информацию путешественника о районах, примыкавших к обследованным им территориям [26].

Полученные в результате экспедиции Л. А. Загоскина сведения о деятельности факторий Российско-Американской компании в континентальной части Аляски и его рекомендации по совершенствованию промыслового дела, сохранению пушных богатств и дальнейшему изучению края помогли главному правителю колоний А. К. Этолину сформулировать ряд новых инструкций местным властям, в том числе направленных на продолжение исследований внутренней Аляски. В частности, управляющему Колмаковским редутом Семену Лукину были предписаны следующие «частные постановления»:

Не позднее 15 мая отправляется из редута Колмакова партия для расторжек с верховыми жителями Кускоквима, она должна состоять из 5-ти трехлючных байдарок с 11 человеками. Чтоб познакомиться с краем, управляющий редуту на первый год должен ехать сам. Сторговавшись на настоящем сборном месте близ холма Винисали, партия следует далее до самых вершинных жителей, т. е. тех, с которыми имеют сношения кенайцы. Ознакомясь с ними, и не упустя из виду расспросы о дальнейших жителях материка, водных сообщениях и изобилии пушных зверей, управляющий или кому доверена партия, обращается к устью Точно-Тукотно, тут строит плот и, нагрузив его промыслами, отправляет к редуту под конвоем двух байдарок, а сам, взяв проводника из туземцев, проживающих по Точно, с тремя байдарками переносится на вершину Тлэгона и по нем спускается в Квихпак к временной своей одиночке Чиник. Эта операция, как небезызвестно настоящему управля-

ющему, должна окончиться к 1 июля; именно, считая с 15 мая полагается 8 дней хода до сборного места при Винисали, оттуда два до Точно, от нее 8 дней хода до жил, находящихся при истоках Кускоквима, 5 дней для обратного спуска к Точно и постройки плота и 23 дня для сплытия по Тлëгону к одиночке Чиник.

Считая также с 15 мая, из оставшихся 19-ти человек в команду отряжаются 10 человек на двух малых туземных байдарках, для перевозки скупленных по зиме промыслов на Квихпакскую одиночку...

К 10 июля управляющему требовалось сплавиться к редуту Св. Михаила, сюда к этому времени должно было прибыть судно из Ново-Архангельска. В своих отчетах управляющий представлял «свои замечания, касательно числа жителей, местности и изобилия страны пушными промыслами» [19, л. 68–70об.].

Сам управляющий Колмаковским редутом Семен Лукин, как мы видели выше, был в высшей степени полезен экспедиции Л. А. Загоскина и вызывал законное восхищение путешественника. Все это имело некоторые приятные последствия для старого служащего Компании и других помощников лейтенанта Загоскина, о чем было сообщено Лукину в письме А. К. Этолина от 14 мая 1845 г. (№ 272):

Согласно желания твоего, переданного мне господином лейтенантом Загоскиным, сын твой Константин определяется на службу Компании с жалованьем по 250 рублей в год. Сын твой Иван назначается твоим помощником, а креол Алексей Матрозов разъездным старостой с окладом жалованья, положенным по Штату, считая с 1-го Генваря сего 1845 года. По представлении ко мне г. Лейтенанта Загоскина, за оказанную Северновским тоёном *Кантельнуком* преданность к русским и содействие экспедиции г. Загоскина, пожалован мною сему тоёну серебряный знак: *Союзные России...*» [28, л. 317об.–318].

Помимо рассмотренной выше инструкции Семену Лукину, А. К. Этолин, по требованию Главного правления РАК, разослал 10 февраля 1845 г. циркулярно во все отделы и редуты (начиная с Михайловского) специальное наставление по выявлению и описанию вулканов, в котором от управляющего требовалось, в частности, следующее: «...предписываю тебе собрать какие только можешь достоверные сведения диких, о ныне горящих в Севере и потухших вулканах (или сопках), буде таковые там находятся, и, если можно, то с показанием когда и при каких явлениях они починали, продолжали и переставали гореть, таковые сведения имеешь ты и впредь доставлять Главному Правителю Колоний, для донесения Главному Правлению, буде где-либо в Севере, по известиям от диких, начнет гореть, дымиться или перестанет гореть сопка, но чтоб эти известия были достоверны, а не выдумки диких, как то часто бывает» [19, л. 25об.].

В соответствии с рекомендациями Л. А. Загоскина, особая роль в дальнейшем изучении внутренней Аляски была отведена Нулатовской одиночке, в сферу промышленной и исследовательской деятельности которой

официально был включен весь бассейн реки Квихпак от жила Тутаго-Игудовского вверх по течению вплоть «до самой ее вершины». В «Инструкции по управлению и производству Нулатовской одиночки», разработанной в 1845 г. А. К. Этолиным, значительное внимание уделялось упорядочению охоты на пушного зверя и мерам по охране животных от полного уничтожения. По этому поводу, в частности, вводились следующие ограничения:

Стрельба из ружей бобров и выдр запрещается под строгую ответственностью с управляющего, он равномерно печется о прекращении истребительного обыкновения бить бобров, разламывая бобровые барабары, особенно в весеннее время, когда в барабарах остаются одне беременные матки, толкуя туземцам, что промышляя таким способом бобров, они лишают сами себя доходов в будущем.

При проведении в жизнь этих инструкций главный правитель русских колоний требовал неизменно доброжелательного отношения к туземцам, полностью исключаящего какое-либо применение силы.

В обращении с туземцами необходима кротость, — писал А. К. Этолин, — и как главнейшие их пороки есть леность и беспечность, то управляющий обязан собственным примером показывать им выгоды труда и бережливости.

И наоборот, среди русских и креолов, являвшихся официальными служащими Российско-Американской компании, требовалось соблюдать строжайшую дисциплину, для поддержания которой, особенно в их отношениях с местными жителями, применялись даже телесные наказания. Так,

пойманного в воровстве с поличным у туземцев управляющий одиночки имеет наказать телесно, не свыше 20-ти ударов и сверх того заносит в [штрафную] книгу (19, л. 74об.-75).

Общий порядок коммерческо-промысловых и поисковых операций Нулатовской одиночки в течение полевого сезона излагался в инструкции А. К. Этолина следующим образом:

[Ежегодно], с очищением реки от льда, и не ожидая совершенно проносу хлама, управляющий на 3-х байдарках кадьякской конструкции, в числе семи человек команды отправляется вверх по Квихпаку для закупки промыслов, стараясь сколь возможно у верховых туземцев предупредить торговцев, проживающих по Куюкаку. Нельзя определить предела подъема по Квихпаку, Экспедиция лейтенанта Загоскина не доходила, по словам туземцев, на два дня хода байдары до устья речки Ногчойя, при которой собирается значительный их стан; последовательные ежегодные поездки дадут возможность простирасть изыскания далее, но и на пространстве, осмотренном экспедицией, проживают по лету столько туземцев, что подают заключение к богатой закупе. При речке Минхотлетной партия может делать привал и запасение свежей рыбой, идущей в эту речку во множестве. Плот обеспечит сплавку купленных промыслов.

Партия должна была возвратиться в Нулато к 1–10 июля [19, л. 78об.–79]. Для изучения и освоения низовьев Юкона в этой же инструкции предписывалось создание «вновь основываемой одиночки, называемой Андреевской», которой в соответствии со специальным наставлением поручалась «вся страна низовьев Квихпака от урочища Чиник до взморья, со всеми рукавами этой реки, при этом заселение Андреевской одиночки основывается на правом берегу Квихпака, при впадении в него речки Ныпыклаик [Нычиглык], как способнейшем пункте для разъездов по всем рукавам Квихпака и сообщению с Агуль-мютами». В связи со слабой изученностью низовьев Юкона, в соответствии с наставлением А. К. Этолина:

Первые поездки в неизвестные нам рукава Квихпака управляющий обязан сделать сам, оставляя одиночку в ведение своему помощнику. Журналы поездок представляются по команде на рассмотрение Главного Правителя Колоний, в них должны быть означаемы названия жил, число жителей обоего пола, вид страны и естественные ее богатства, направление водных сообщений и вообще все то, что достойно внимания относительно торговли в том крае. К ним прилагаются карточки [карты] поверхностной описи (19, л. 80об.–81, 88).

Следует заметить, что в том же 1845 г. в эскимосском селении Икогмют, отстоящем от Михайловского редута на 200 верст вверх по Юкону, разместилась Квихпакская миссия (современная Русская Миссия) во главе со священником из креолов Яковом Нецветовым. Миссия должна была нести Слово Божие жителям бассейнов рек Квихпака, Кускокуима и их притоков [22, 29]. Андреевская одиночка была разорена туземцами в 1855 г.

Выше отмечалось, что доклад об экспедиции Л. А. Загоскина, прочитанный на заседании Императорского Русского географического общества и опубликованный в его «Записках» в 1847 г., вызвал громадный интерес у представителей отечественной науки. Не исключено, что внимание русских ученых к заокеанским владениям империи было стимулировано также тем фактом, что приблизительно в это же время в Санкт-Петербург прибыли естественно-научные и этнографические коллекции И. Г. Вознесенского и А. К. Этолина, покинувших колонии в 1845 г. И. Г. Вознесенский отправил в Академию наук в разное время в общей сложности 150 «огромных ящиков». А. К. Этолин в своем письме в Императорскую Академию наук от 15 мая 1845 г. (№ 314) сообщает, что, покидая колонии, отправил через Лондон 34 ящика материалов Вознесенского и

8 ящиков собственно моих под знаком: АК..Э с таковыми же предметами, адресованными на имя Зоологического Музеума Академии. Покорнейше прошу Академию, — продолжает Этолин, — по получении моих ящиков, приказать сохранить их до моего возвращения. При оставлении ныне г-м Вознесенским Российско-Американских Колоний, долгом справедливости считаю свидетельствовать пред Императорскою Академиею, о неусыпных трудах его и добросовестном, отличнoусердном выполнении его обя-

занности, не упуская ни малейшего случая к обогащению ее Музеума; а скромностью своею, благородством характера и примерным поведением заслужил общее в Колониях уважение и приобрел готовность и охоту каждого помогать ему словом и делом, — чему, конечно, должно некоторым образом приписать возможность г. Вознесенскому собрать такую огромную коллекцию разных предметов для Академии при ограниченных его денежных средствах (28, л. 370об.-371об.).

Коллекции Вознесенского и Этолина до сих пор представляют собой ценнейшие источники для научных исследований. Значение этнографических материалов А. К. Этолина и его современников недавно было ярко продемонстрировано фундаментальной публикацией финской исследовательницы Пирьо Варьола с участием русских этнографов Ю. П. Аверкиевой и Р. П. Ляпуновой [30], осуществленной Национальным управлением древностей Финляндии. Материалы Этолина и Вознесенского, вместе с сообщением о замечательных успехах экспедиции Л. А. Загоскина, привлекли к себе пристальное внимание руководства Географического общества, которое решило начать с территории Русской Америки инициированные им анкетные обследования природы и хозяйства России [31].

Литература

1. *Wrangel P. P. Statistische und Ethnographische Nachrichten ueber die Russischen Besitzungen an der Nordwestkueste von America. Beitrage Zur Kenntniss des Russichen Reiches. Bd. 1. SPb., 1838.*
2. *Wrangell P. P. Russian America. Statistical and Ethnographic Information / Tr. from German ed. of 1839 by Mary Sadouski / Ed. by Richard A. Pierce. Materials for the Study of Alaska History. № 15. Kingston: The Limestone Press. 1980.*
3. *Марков С. Н. Декабристы и исследователь Юкона Л. А. Загоскин: встречи в Урюке и Иркутске // Восточно-Сибирская Правда. 1955. 4 ноября.*
4. *Бломквист Е. Э. Рисунки И. Г. Вознесенского (экспедиции 1839–1849 гг.) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 13. Л., 1951.*
5. *Michael H. N. (Ed.). Lieutenant Zagoskin's travels in Russian America 1842–1844: The First Ethnographic and Geographic Investigations in the Yukon and Kuskokwim Valleys of Alaska. Published for the Arctic Institute of North America by University of Toronto Press. 1967. P. 14–15.*
6. *Черненко М. Б., Агранат Г. А. Экспедиция лейтенанта Л. А. Загоскина по Русской Америке // Природа. 1954. № 9. С. 56–62.*
7. *Черненко М. Б. (с участием Аграната Г. А.). Лаврентий Алексеевич Загоскин. Очерк жизни и деятельности. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956. С. 16–17.*
8. *Литищ Б. А. Л. А. Загоскин как исследователь этнографии Аляски. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956.*
9. *Архив внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. РАК. Оп. 888. № 1039. Рулон 77.*
10. *Ray D. J. The Eskimos of Bering Strait, 1650–1898. Seattle and London, 1975.*
11. *АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. № 1012. Рулон 77.*
12. *Загоскин Л. А. [Редут Св. Михаила на южном берегу залива Нортон] // Записки Гидрографического департамента. Т. 4. СПб., 1846. С. 86–101.*

13. Зеленой С. И. Извлечение из дневника лейтенанта Загоскина, написанного в экспедиции, выполненной им на материке Северной Америки // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 2. СПб., 1847. Р. 135–202.
14. Загоскин Л. А. Пешеходная опись части русских владений в Америке. Произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. С Меркаторскою картою, гравированною на меди... В 2-х т. СПб., 1847.
15. Ueber die reise und entdeckungen des lieutenant L. Zagoskin im Russischen Amerika // Archiv für wissenschaftliche kunde von Russland. Berlin., 1848. Bd. VI. S. 499–552; Bd. VII. S. 429–512.
16. Zagoskin L. A. Expedition auf dem festlande von Nord-America... // Denkschriften der russischen geographischen gesellschaft zu St. Petersburg. Bd. 1. Weimar, 1849.
17. Petermann A. Geographische mittheilungen. 1857. Heft IV und V. Juli. S. 211–312.
18. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1331. Оп. 4. № 255.
19. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. № 1012. Рулон 50.
20. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII веков. М., 1964. Карта 192.
21. [Загоскин Л. А.] Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956.
22. Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII века – 1867 г. М., 1971.
23. Osgood C. Ingalik Material Culture. Yale University Publications in Anthropology. № 22. 1940.
24. Oswalt W. H. Mission of Change in Alaska. Eskimos and Moravians on the Kuskokwim. San Marino, 1963. P. 13.
25. De Laguna F. The Prehistory of North America as seen from the Yukon. Society for American Archeology, Memoir. 1947. № 3.
26. Van Stone James W. Introduction in: Michael H. N. Lieutenant Zagoskin's travels in Russian America 1842–1844: The First Ethnographic and Geographic Investigations in the Yukon and Kuskokwim Valleys of Alaska. Published for the Arctic Institute of North America by University of Toronto Press. Toronto, 1967.
27. Oswalt W. H. Historical Population in Western Alaska and Migration Theory // Anthropological Papers of the University of Alaska. Vol. 11. 1962.
28. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. № 1011. Рулон 49.
29. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 2. СПб., 1863.
30. Varjola P. (With contributions by Julia P. Averkiewa and Roza F. Liapunova). The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki: The National Board of Antiquities of Finland. 1990.
31. Архив Русского географического общества. СПб. Ф. 1 – 1846 год. Оп. 1. № 19.

Из истории техники

От редакции

28 ноября 1997 г. в ИИЕТ РАН тепло и сердечно поздравляли Е. А. Шитикова. Ему исполнилось 75 лет. Имя Евгения Александровича хорошо известно читателям нашего журнала и, казалось бы, не нуждается в особом представлении. Однако в связи со славным юбилеем нам захотелось несколько подробнее, чем обычно, рассказать об этом удивительном человеке, нашем коллеге.

Е. А. Шитиков

Е. А. Шитиков — специалист в области кораблестроения и вооружения Военно-Морского Флота, вице-адмирал (1981), почетный академик Российской академии естественных наук (1993), лауреат Государственной премии СССР (1982), участник Великой Отечественной войны.

Он родился в 1922 г. в Детском Селе (б. Царское Село), ныне район Санкт-Петербурга. В 1940 г. поступил в Высшее военноморское инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского. В июле 1941 г. в составе курсантского батальона, который вошел во 2-ю бригаду морской пехоты, был отправлен на фронт. В сентябре 1941 г. отозван в училище. Случилось так, что после боевых действий и трагической эвакуации из Ленинграда он один остался в живых из своей учебной группы, имел ранения. В дальнейшем проходил боевую практику на кораблях действующего флота: канонерская лодка «Ленин» (1942 г., Каспий-